



ИШАЙ САРИД

МОНСТР

ПАМЯТИ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ВСЕМ НАМ:

НЕЛЬЗЯ ПОЗВОЛИТЬ ПРОШЛОМУ ПОГЛОТИТЬ НАСТОЯЩЕЕ.

*The New York Times Book Review*

ИШАЙ САРИД

МОНСТР  
ПАМЯТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО  
СИНДБАД  
Москва, 2021

16+

**Yishai Sarid**  
Mifletzet Ha-Zikaron  
THE MEMORY MONSTER

Copyright © Yishai Sarid, 2017

Published in the Russian language by arrangement with *The Institute for the Translation of Hebrew Literature and Andrew Nurnberg Literary Agency*  
Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2021

*Перевод с иврита Галины Сегаль*

**Сарид И.**

Монстр памяти / Ишай Сарид ; [пер. с ивр. Г. Сегаль]. — М.: Синдбад, 2021.

ISBN 978-5-00131-373-1

Молодого израильского историка Мемориальный комплекс Яд Вашем командирует в Польшу — сопровождать в качестве гида делегации чиновников, группы школьников, студентов, солдат в бывших лагерях смерти Аушвиц, Трешлинка, Собибор, Майданек...

Он тщательно готовил себя к этой работе. Знал, что главное для человека на его месте — не позволить ужасам прошлого вторгнуться в твою жизнь. Был уверен, что справится. Но переоценил свои силы...

В этой книге Ишай Сарид бросает читателю вызов, предлагая задуматься над тем, чем мы обычно предпочитаем себя не тревожить.

*Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»*  
*Korpus Prava*

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2021.

Уважаемый председатель директората мемориального комплекса Яд Вашем, посылаю вам отчет о случившемся.

Мне сообщили, что вы его ждете, и я сам искренне желаю его предоставить, учитывая то доверие, которое вы мне оказали.

Вначале я попытался отделить отчет от самого себя, выполнить его в строгой научной манере, не примешивая ничего, что имело бы отношение к моей личности или истории моей жизни — ничем не примечательной. Однако, написав несколько строк, я понял, что это невозможно, что я и есть тот сосуд, в котором обитает история. Если трещины мои разойдутся и я распадусь на части, эта история исчезнет вместе со мной.

Я всегда относился к вам с огромным уважением. Несколько раз участвовал в обсуждениях, которые вы проводили, выполнял важные поручения, в числе которых был и этот последний проект. Мне не забыть проникновенных слов, что вы произнесли на презентации моей книги. Я делал для вас все, что было в моих силах, но не помню, чтобы мы с вами хоть раз побеседовали в неформальной обстановке. Я не жалею. Понимаю, как тяжело бремя, возложенное на ваши плечи. Помню чудесный вид на Иерусалимский лес, открывающийся из окна вашего офиса, запах каменных стен и дорогую ткань вашего костюма. Я всегда считал себя вашим верным посланником. Вижу перед собой ваше мудрое лицо и обращаюсь к вам как к официальному представителю Памяти.

К изучению холокоста меня привели соображения практические. Закончив службу в армии, поштатавшись, как это принято, в неприкаянности по городам и весям, я поступил в университет, где изучал историю и международные отношения. Мечтал о карьере дипломата. Мне казалось, что за границей жизнь моя станет лучше и веселее. Я, конечно, знал, что престиж дипломатической службы сегодня уже не так высок и что с наступлением цифровой эпохи необходимость в ней

изрядно уменьшилась, однако считал это преимуществом. Я воображал, как сижу в легком костюме в кафе какого-нибудь тропического города, коротаю дни в изящной праздности, получая от государства скромное, но вполне приличное жалованье. Я не стремился стать лучшим из лучших, не хотел, чтобы в мою честь называли улицы и площади. Мне нравилось читать книги о великих людях и грандиозных событиях прошлого. Они успокаивали меня, потому что все в них уже свершилось окончательно и бесповоротно. Художественная литература меня тревожила — в ней все зависело от причуд автора.

На втором году учебы я пошел сдавать экзамены в Министерство иностранных дел. Мне тогда было двадцать четыре, и я легко справился с письменной работой и прошел первый тур. Во втором туре, который состоялся несколько недель спустя, экзаменаторы разбили нас на группы, дали разные задания, включавшие всякие хитроумные игры, а потом стали вызывать поодиночке на собеседование. Чем дольше все это тянулось, тем яснее становилось, что дела мои плохи. Я даже не стал ждать письма из министерства — и так было понятно: это провал.

Какое-то время я хотел махнуть на все рукой и отправиться куда-нибудь на Восток — скажем, в Таиланд. Все равно моя мечта от меня ускользнула. Но экономические и семейные обстоятельства (заболел отец) меня остановили. Распрощавшись с надеждами на дипломатическую карьеру, я оставил изучение международных отношений — сами по себе они меня не интересовали — и сосредоточился на истории.

Мне нравилось заниматься историей — писать статьи, проводить исследования, часами сидеть в библиотеке над старыми документами, делать перерыв на кофе и возвращаться к работе. Я шел по жизни неспешно, с важным видом. Получил степень магистра и вышел из неизвестности, когда моя дипломная работа — написанная в рамках курса, который вел сам декан, — была удостоена многочисленных похвал. Декан взял меня под крыло и предложил стать ассистентом

на кафедре. Я гордился своим новым положением. Декан обсуждал со мной разные варианты будущего, говорил об учебе за границей, и я уже видел, как сижу у камина в Оксфорде или Бостоне, старея с достоинством, и больше не жалел о том, что с Министерством иностранных дел ничего не вышло.

История Нового времени меня страшила; она казалась оглушительно ревущим бешеным водопадом. А я жаждал тихой, спокойной жизни, что вращалась бы вокруг древних времен, чья история открыта всем, но надежно запечатана временем и ни в ком не способна пробудить сколь-нибудь сильных чувств. Я подумывал заняться Дальним Востоком, но для этого требовалось выучить китайский или японский, а к языкам у меня особого таланта нет. От скитаний и бедствий собственного народа хотелось уйти как можно дальше. Я с самого начала чувствовал, что здесь меня подстерегает опасность. Но потом я встретил Руфь, дело стало двигаться к свадьбе, и пришлось спуститься с неба на землю. Хорошенько все обдумав, я понял: хоть на первый взгляд передо мной распахнулась необъятная сокровищница человеческой истории, запустить руки я мог лишь в пару-тройку сундуков. Вакансии в университетах освобождались редко, и их тут же расхватывали старшие преподаватели, а новые ставки открывались только для внештатных сотрудников: не работа, а подработка, с зарплатой, которой еле-еле хватало на хлеб.

Однажды декан сообщил мне, что разведывательное управление ищет специалистов по Ирану и готово оплатить кандидату докторантуру по персидской истории. «Но при условии, подчеркнул декан, что после защиты диссертации вы семь лет прослужите в вооруженных силах». И хотя я понимал, что сидеть мне предстоит в центральном офисе в Тель-Авиве, а не в танке, как во время обязательной службы, сама мысль о том, чтобы снова оказаться в армии, на несколько ночей лишила меня сна, после чего я объявил декану, что в предложении разведывательного управления не заинтересован. Тем более что такая специализация, опять же, потребовала бы изучения сложного иностранного языка. Декан все понял



и сказал: если так, остается только один реальный вариант продолжить карьеру историка в Израиле — написать диссертацию по Холокосту.

Я ужаснулся — ведь я мечтал плыть по жизни, как по тихому безмятежному озеру. Сделал несколько тщетных попыток избежать грозящей мне участи. Одна из них почти увенчалась успехом: хороший австралийский университет в городе Перт готов был принять меня в докторантуру по истории средневековой Европы, оплатить жилье и предоставить должность преподавателя. Но Руфь была не в восторге от перспективы перебраться в Австралию, а дату свадьбы мы уже назначили. Отправься мы в страну солнечных пляжей, где пиво подают с четырех часов пополудни, возможно, нас ждала бы иная судьба.

Но я сдался.

Отправился к декану и сказал, что готов впрячься в колесницу Памяти. Стоило мне это сделать, как жизнь заиграла новыми красками. Мне назначили небольшую стипендию — пожертвование еврейской семьи из Америки, — достаточную для обеспечения нашего скромного быта. Я начал изучать немецкий и через несколько месяцев уже мог читать документы СС. Выше среднего уровня владения языком я так и не поднялся — Гейне и Гёте были мне не по зубам. Но я жадно глотал книги и другие материалы, какие только мог достать. В этом я силен — умею в сжатые сроки переваривать огромные объемы письменной информации. Больше всего меня интересовали технические подробности массового истребления: механика, люди, занятые в процессе, порядок осуществления процедуры. Я копал все глубже и глубже, пока тема диссертации не выкристаллизовалась и не получила одобрение руководителя. Я был на правильном пути.

«Сходства и различия в методике работы немецких лагерей смерти в годы Второй мировой войны» — так называлась моя докторская. Я сравнил и проанализировал процессы уничтожения в каждом из концлагерей — Хелмно, Белжеце, Трешлинке, Собиборе, Майданеке и Аушвице (естественно,

последние два отличались тем, что были одновременно и трудовыми лагерями, в то время как первые использовались только для истребления). Я внимательно изучил, как именно все происходило в каждом отдельном лагере, начиная с момента высадки заключенных из поездов: как они раздевались, кто и как собирал их одежду и багаж, какую ложь придумывали немцы, чтобы успокоить свои жертвы, как их потом стригли и брили, как вели к газовым камерам; я изучил устройство камер, узнал, где какой использовался газ, вник в принципы группировки людей внутри камер и в собственно процесс умерщвления; я узнал, каким образом выдергивали золотые зубы и искали ценности во всех отверстиях тела, как именно утилизировали трупы, как распределяли на тех или иных участках рабочую силу — и так далее. Я искал сходства и различия. Разумеется, каждая стадия, в свою очередь, состояла из бесчисленных подстадий со всевозможными особенностями и вариациями. Я прочел сотни книг и свидетельств о жизни и смерти в концлагерях — а может быть, и тысячи. Старательно изучал рабочие документы, проясняя непонятные детали. Информации было в избытке, и я уверенно сквозь нее пробирался. Структурные схемы стремительно разрастались, но я держал их под контролем. Сначала я тщательно систематизировал факты — Руфь помогла мне, создав специальные файлы, — а затем занялся научным вопросом: чем объясняется такое разнообразие в методах работы концлагерей, почему наблюдаются столь удивительные отклонения от абсолютного единообразия, каковое можно было бы ожидать, учитывая организацию и характер рассматриваемого процесса?

Одновременно я ради подработки начал водить посетителей по Яд Вашем. Вы возглавляли комитет, который принял меня на должность гида. Помню вашу статную фигуру и благоговейный страх, который она пробудила во мне. Вы спросили, почему я хочу водить экскурсии и осознаю ли, со сколь серьезными эмоциональными нагрузками сопряжена такая работа. Я ответил полуправдой, сказал, что для историка это



замечательная возможность применить свои знания на практике и поделиться ими с людьми. Я не стал упоминать, что моя жена беременна и я — единственный кормилец растущей семьи. Сказал, что активно работаю над докторской диссертацией и собрал массу подробных сведений о технике уничтожения людей в лагерях смерти. В резюме упомянул, что во время армейской службы вел в школе бронетанковых войск курс артиллерийской подготовки, а потом, в университете, работал ассистентом декана исторического факультета. Вы попросили меня выступить перед комитетом, как перед школьниками, и коротко рассказать о восстании в Варшавском гетто. Похоже, я произвел хорошее впечатление, потому что уже на следующий день мне сообщили, что я принят.

Я не придавал особого значения вашим словам о психологической нагрузке, поскольку никогда раньше не страдал от серьезных эмоциональных потрясений и считал, что я к ним не восприимчив. Я сразу же бросился в работу с азартом молодого бычка — водил школьные экскурсии по музею и Саду праведников народов мира, а также вел занятия в Международной школе изучения Холокоста. Я щедро рассыпал перед детьми накопленные знания. У меня был к этому талант. Я стремился не заваливать слушателей бесконечными деталями, а давать им четкую и ясную общую картину с несколькими планами. Попытайся я удержать все сюжетные линии, дети бы вконец запутались. После одной из первых моих экскурсий дети сказали, что только благодаря мне осознали невероятный масштаб трагедии Холокоста.

Я отдавал работе всего себя без остатка, тщательно готовился к экскурсиям. Ни разу не позволил себе схалтурить. Я исходил из того, что дети не знают ничего, и моя почетная обязанность — вложить в них Память. Я рассказывал об истоках антисемитизма — как древнего, так и современного, о приходе нацистов к власти, немного о биографии Гитлера и его первых приспешников, о начале войны, о лишении евреев прав, о гетто, депортациях, массовом истреблении.

Иногда мне в душу западало интересное лицо каких-нибудь девочки или мальчика или точно сформулированный вопрос, но обычно школьники приходили и уходили, не вызывая во мне особых чувств. Я помню, как вы без предупреждения пришли послушать мою лекцию для учащихся старших классов то ли из Реховота, то ли из Гедеры, сели сзади, жестом велели продолжать, и мне захотелось произвести на вас впечатление. На экране был план Треблинки, и я легко и без запинки пробежался по маршруту, закончив ямами, где сжигали трупы. Через несколько минут вы кивнули мне и ушли. Позже заведующая школой сказала, что вы были впечатлены моими знаниями, однако посчитали, что следовало проявить больше эмпатии и сочувствия к жертвам. *«Я историк, а не социальный работник»*, — подумал я, но пообещал, что все учту и исправлюсь.

В Польшу я впервые приехал во время работы над диссертацией, чтобы увидеть места, о которых прочел десятки тысяч страниц. Мой научный руководитель, заведующий кафедрой истории Холокоста, должен был поехать со мной. В Польше у него были обширные связи. Однако накануне отъезда у руководителя прихватило спину, — так что я отправился один. В аэропорту взял напрокат машину и две недели ездил из концлагеря в концлагерь, жадно осматривая их, без устали делая фотографии и зарисовки. Поездка расставила все по местам. Я осознал увиденное, и это осознание привело меня чуть ли не в интеллектуальный экстаз. Путешествие принесло моей диссертации огромную пользу.

Через несколько месяцев я вернулся в Польшу, чтобы пройти курсы гидов-сопровождающих, и, увидев знакомые места, почувствовал себя почти как дома. Получив лицензию, я начал принимать заказы — и приезжать в Польшу все чаще и чаще. За каждый тур я получал несколько тысяч шекелей и наконец-то смог прилично обеспечивать нашу маленькую семью — Руфь и сына Идо.

Прошло совсем немного времени, и в горячие сезоны школьных поездок я уже покидал дом на месяц, а то и больше —

как только заканчивалась одна, тут же начиналась следующая. Руфь и малыш привыкли. Да у нас и выбора-то особо не было. Не знаю, приходилось ли вам когда-либо сопровождать старшеклассников, лететь с ними ночным рейсом, по семь-восемь дней колесить с ними в автобусе, стоять перед ними и снова и снова объяснять, что случилось здесь, в этих лесах, в этих гетто, в концлагерях; пробовали ли вы пробиться сквозь равнодушные их лиц, найти лазейку в их залитый светом айфонов мозг. Не знаю, пытались ли вы объяснить им, что такое смерть, сообщали ли им данные и факты, цифры и имена; а они — шагали ли они следом за вами, завернувшись в израильские флаги, пели гимн Израиля у газовых камер, произносили кадиш на грудах праха, зажигали свечи в память о детях, погребенных в ямах, совершали всевозможные ритуалы, которые сами и изобрели, пытались ли выжать из глаз хоть одну слезу? Я часто задавался вопросом, испытали ли все это сами вы?

Экскурсия всегда начинается с кладбища в Варшаве. Господин председатель, уверяю вас, лучше бы от этого отказаться. Никто из детей не знает, кто такой Ицхок-Лейбуш Перец и почему в его честь воздвигнут столь величественный памятник. Полагаю, когда-то он был знаменитым писателем, но я не встречал никого, кто прочел бы хоть одну его книгу. Дети ничегошеньки не знают ни об эсперанто, ни о его создателе Заменгофе. И правильно не знают, ведь затея с эсперанто — пшик. Мы стараемся приобщить их к высокой культуре, но правда в том, что польские евреи не строили соборов и не писали симфоний. Большинство из них были мелкими торговцами, простыми людьми, которые ели селедку, слушали музыкантов-клезмеров и жили в лачугах. Под конец среди самых смуглых выходцев с Востока, тех, что убили Иисуса, стали появляться врачи и юристы. Ребята бродят среди надгробий, уставшие от ночного перелета, не зная, пора уже завернуться в израильский флаг или еще рано, машинально повторяют «Аминь» в ответ на молитву, произносимую учителем перед каждой важной могилой, им холодно, и единственное, чего

им хочется, — добраться до гостиницы и хоть немного почувствовать себя за границей.

После кладбища мы везем их на автобусе в бывший еврейский квартал — на Умшлагплац, где был особый перевалочный пункт в гетто, а потом в Бункер повстанцев на улице Мила, 18. «Они были лишь немного старше вас, — объясняю я. — У них почти не было оружия, только коктейли Молотова да несколько ручных гранат и пистолетов. С этим бедным арсеналом они почти месяц противостояли немецкой военной бригаде».

Я стоял перед ними и пытался живописать им страдания и героизм, я придерживался всех ваших инструкций, не отклонялся ни вправо, ни влево. Я был паинькой, изо всех сил старался достучаться до них сквозь джинсы и легинсы, кудряшки, хвостики и тяжелые пальто, плоские остроты, равнодушные взгляды и айфоны. Проникнуть в их головы и в их сердца. По-настоящему мне ни разу это не удалось, потому что я недостаточно их любил. Теперь я это понимаю.

Ночи в гостиницах — кошмарный сон учителей, это извечный страх, что на следующий день газеты запестреют заголовками, сообщающими, что израильские школьники совсем распоясались в Польше, устроили погром в номерах, напились и вызвали проституток. Чтобы избежать подобного, учителя патрулируют коридоры, подслушивают у дверей номеров, грозят подросткам жуткими карами, запрещают покидать гостиницу, а наутро ходят с красными от недосыпа глазами. Но обычно ничего ужасного не происходит. Дети слоняются по фойе гостиницы, заказывают в номер максимум кока-колу, принимают душ, расходуя гостиничные шампунь и мыло, бренчат на гитарах грустные песни, а после отбоя ложатся баиньки. Иногда, конечно, попадаются неуправляемые ребятишки, которые в общем-то уже и не ребятишки, а юная шпана: из их переносных колонок грохочут средиземноморские хиты — страшная месть голям и ашкеназам, они заказывают обслуживание в номера и потом не платят, оставляют после себя дикий бардак — с такими точно жди беды!